

МОЙ ГОГОЛЬ

Весь клуб -
1999. - 4 сем. -
G 11.

Гоголь

Книги, которых ждали тридцать лет

Напоминаем нашим читателям, что издательство "ПанЪинтер" (подразделение российского концерна "Панинтер") с января этого года претворяет в жизнь большой и интересный проект — "Золотая библиотека русской классики". Помните, когда-то во всех государственных библиотеках и во многих домашних на полках стояли книги в белой суперобложке — "Всемирная библиотека классики"? С тех пор подобных серьезных издательских проектов не было почти тридцать лет. И вот, наконец, появился. Его отличие в том, что если прежний делало государство, то нынешний — частный издатель, известный предприниматель, глава российского концерна "Панинтер" Александр Паникин. Новый проект по праву можно назвать народным, потому что главная его задача — сделать книги "Золотой библиотеки" доступными рядовому читателю. Книги продаются по себестоимости, издательство, планируя проект, отказалось от прибыли.

"Золотая библиотека" — это тридцать томов под тысячу страниц каждый. Том представляет собой собрание сочинений того или иного русского писателя XIX-XX веков, куда вошли его лучшие произведения. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Достоевский (последние в 2-х томах) и так далее — до Набокова. Это довольно увесистые фолианты в кожаном переплете. Каждый имеет свой цвет, ассоциирующийся с творчеством автора. Например, первая книга "Библиотеки" "Весь Пушкин" — темно-изумрудного цвета, "Николай Гоголь" — фиолетового, "Михаил Лермонтов" — бордового... Спрашивается, почему каждый классик представлен в одном томе? Создатели "Библиотеки" старались показать писателя во всем жанровом его многообразии. Да и стремительность нашей жизни диктует такую форму — однотомник; люди хотят, чтобы было удобно: творчество гения — в одной книге.

Уже несколько месяцев в крупных книжных магазинах Москвы продается "Весь Пушкин". Спрос на книгу не уменьшается. Издательство даже допечатало тираж. В сравнении с собраниями сочинений, выпущенными другими издательствами, Пушкин "ПанЪинтера" — заметно выделяется. И безупречной полиграфией, и эффектным дизайном обложки, и ценой.

Скоро читатели смогут приобрести сразу два тома "Золотой библиотеки". В магазинах появится книга "Николай Гоголь". Об этом событии, а также о своем отношении к творчеству великого писателя на страницах "Вечернего клуба" рассказывает издатель "Золотой библиотеки" Александр Паникин.

Гоголь на всех портретах в любые периоды его жизни, практически, одинаков: длинные, прямые волосы с пробором посередине, вислые усы, заостренный нос, взгляд в никуда глубоко посаженных, бесстрастных глаз. И, конечно же, черный балахон, в складках которого, кажется, затаилась печаль.

Но как же контрастна с внешностью внутренняя жизнь великого писателя. Сколько страсти, огня, нежности, гнева, сочувствия, слез, негодования и любви в его произведениях. Да и сам Николай Васильевич, на протяжении всей его, несколько странной в глазах современников, жизни — все время другой, новый внутренне, повергающий в изумление даже близких ему людей.

Я уверен, сегодня Гоголь должен быть востребован читателем со все возрастающей силой. Он, как медиум, привораживает нас. Гоголь заставляет вжиться в свои тексты, войти внутрь. Мы отвыкли уже от такого. Поверхностное чтение, низкопробная литература отучили нас полностью отдаваться книге. Нельзя просто так взять произведение Гоголя в руки и легкомысленно скользить по поверхности, вникнуть в прочитанное. Не поймешь ничего, если видят только глаза, но не видит душа. Всему существу нужно быть — там. Не просто внутри, а в самом нутре, которое так притягательно манит в себя, рассыпая по телу мурашки страха, удивления и одновременно восторга. Гоголь цепляет живое читательское воображение сразу: фразой ли, какой-то сентенцией, восклицанием. По всем его произведениям рассыпаны эти незаметные крошечки, хватающие тебя все больше и больше. Не успел опомниться, глядь, ты уже невольник его фантазии.

Творчество Гоголя я сравнил бы с... человеческой жизнью. Молодость — это "Вечера на хуторе близ Диканьки", зрелость — "Мертвые души", ну а мудрость — "Выбранные места из переписки с друзьями". Но жизнь человека не есть что-то заданное раз и навсегда, она изменчива, как и сам человек. Гоголь изменчив как личность особенно; он во все периоды своей жизни — разный, порой крайне разный.

Потоками детских впечатлений, пронизанными светом чистого, волшебного восприятия мира, открывается нам прелесть "Вечеров...". Сколько в этих повестях настоящей поэзии, какой они напоены лирикой, жгучей любовью к жизни, к самому факту бытия. Эта способность к детскому, непосредственному восприятию всего и вся (а писал-то Гоголь повести отнюдь не ребенком) — чудный дар, которого лишены многие наши писатели-современники, страдающие болезнью века — рационализмом. Сегодня многие даже стыдятся всего того, что связано с романтизмом. Поэзия уходит из нашей жизни. Склонность ко всему поэтическому воспринимается как некое проявление слабо-

сти. А Гоголь не боялся этой "слабости". В ней он черпал силу. "Любо плянуть с середины Днепра на высокие горы, на широкие дуга, на зеленые леса! Горы те — не горы: подошвы у них нет, внизу их, как и вверху, острая вершина и под ними и над ними высокое небо. Те леса, что стоят на холмах, не леса: то волосы, поросшие на косматой голове лесного деда. Под нею в воде моется борода, и под бородой, и над волосами высокое небо. Те луга — не луга: то зеленый пояс, перепоясавший по середине круглое небо, и в верхней половине и в нижней половине прогуливается месяц". Как сказано! Голова кружится...

Гоголь увидел то, что не увидел никто — он создал стойкий, мало меняющийся во времени человеческий тип. Он его как бы оживил, вылепив некую социально-психологическую матрицу индивидуумов, благополучно просуществовавшую столетие и, похоже, не собирающуюся изменяться в обозримом будущем. Сколько таких гоголевских персонажей вокруг нас сегодня! Куда ни кинь взгляд. А уж в политике, среди чиновного люда — там целая галерея Маниловых, Собакевичей, Ноздревых, Городничих, Хлестаковых, Ляпкиных-Тяпкиных, Бобчинских и Добчинских... "Над кем смеетесь? Над собою смеетесь!..." Мы все так же, по-гоголевски задаем себе (уже в конце XX века) тот же вопрос: "Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа... Летит мимо все, что ни есть на земле, и косясь поостраниваются и дают ей дорогу другие народы и государства".

"Выбранные места из переписки с друзьями" — это уже совсем другой Гоголь. Это — третье измерение его личности в прямом и переносном смысле этого слова. И это — не отрицание жизни и не уход от нее в мизантропию, как полагают некоторые гоголеведы. Напротив, это страстное желание придать всему, что мы именуем земной жизнью, подлинный, истинный смысл, попытка определить его и поделиться своим знанием с людьми.

"...Храни вас Бог от односторонности: с нею всюду человек произведет зло: в литературе, на службе, в семье, в свете, словом — везде! Односторонний человек самоуверен; односторонний человек дерзок; односторонний человек всех вооружит против себя. Односторонний человек ни в чем не может найти середины. Односторонний человек не может быть истинным христианином: он может быть только фанатиком. Односторонность в мыслях показывает только то, что человек еще на дороге к христианству, но не достигнул его, потому что христианство уже дает многосторонность уму. Словом — храни вас Бог от односторонности! Смотрите разумно на всякую вещь и помните, что в ней могут быть две совершенно противоположные стороны, из которых одна вам до времени не открыта".

Александр ПАНИКИН